Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

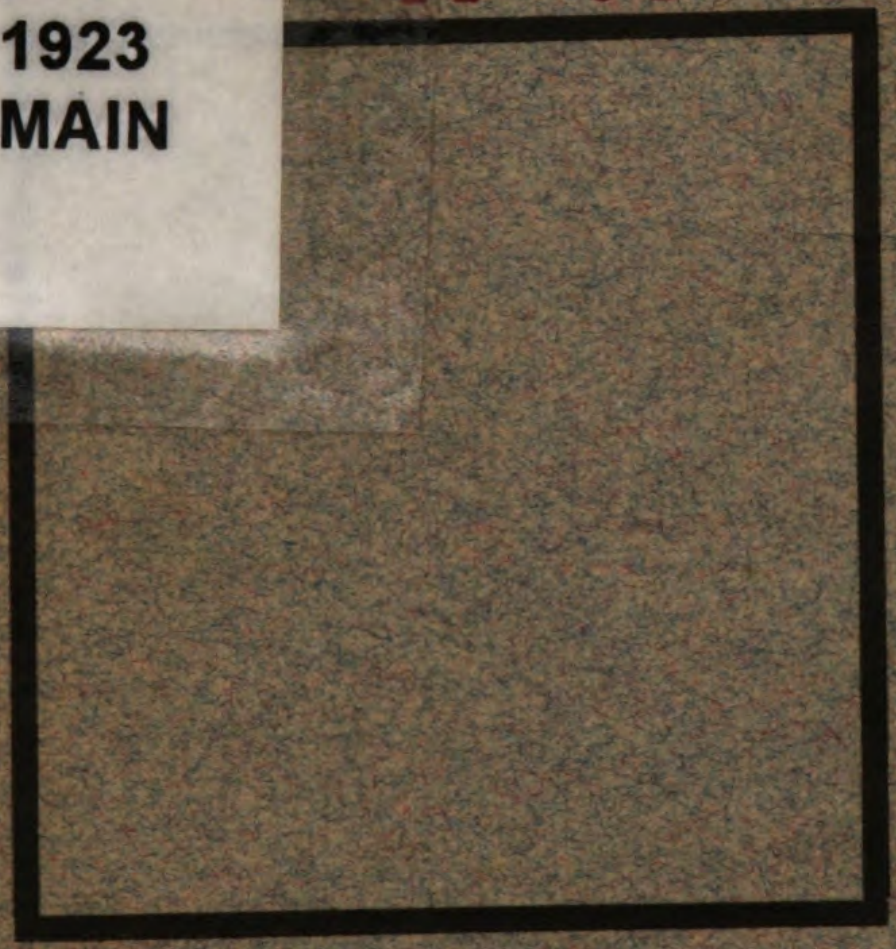
Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

UC-NRLF
B 4 188 623
tP G
3476
E5
Z46
1923
MAIN

ПЛО



МОСКВА / БЕРЛИН
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОН
1923

Digitized by Google

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA

Donated in loving memory of
Oleg Alexander Maslenikov

enikov

Digitized by Google

U.C. BERKELEY LIBRARY

Digitized by Google

Эта книга отпечатана в 1923 г. в типографіи „Bukwa“ G.m.b.H. для книгоиздательства „Геликон“.

Digitized by Google

От издателя

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

ЗВЕРИНОЕ ТЕНЛО

МОСКВА / БЕРЛИН
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГЕЛИКОН“
1923

Digitized by Google

Digitized by Google

t PG3476
E5Z46
1923
MAIN

ЗВЕРИНОЕ ТЕПЛО

Digitized by Google

Digitized by Google

1

Видишь любить до чего тяжело —
Гнет к земле густое тепло.

Паленая шерсть на моей груди.
Соль — солона. Не броди!

Ты не дочь, ты не сестра.
Земля, земля, моя нора!

Коготь и клык. Темен и дик.
Я говорю — не броди!

Не для меня любви ремесло.
Камень пьет густое тепло.

Теплый камень — мертвый зверь —
Стихи, стихи — седая шерсть.

Виснут веки. Сон и гуд.
Люди могут, а я не могу.

Рот приоткрыт — тяжкий пар —
Это тебе, но последний дар.

Digitized by Google

2

Что любовь? Нежнейшая безделка.
Мало-ль жемчуга и серебра?
Милая, я в жизни засиделся,
Обо мне справляются ветра.

Видя звезд пленительный избыток,
Я к земле сгибаюсь тяжело —
На горбу слепого следопыта
Прорастает темное крыло.

И меня пугает равнодушье.
Это даже не былая боль,
А над пестрым ворохом игрушек
Звездная рождественская соль.

Но тебя я не могу покинуть!
Это — голову назад — еще! —
В землю уходящей Прозерпины
Пахнущее тополем плечо.

Но твое дыханье в диком мире —
Я ладонью заслонил — дыши! —
И никто не снимет этой гири
С тихой загостившейся души.

Digitized by Google

3

Волос черен иль золот.
Красна кровь.
Голое слово —
Любовь.

Жилы стяни туго!
Как хлеб и вода,
Простая подруга —
Беда.

Цветов не трогай.
Весен не мерь.
Прямая дорога —
Смерть.

Digitized by Google

Это, кажется, зовут «любовью» —
Руку на грудь, до утра,
Чтоб на розовом камне — простая
повесть
Утрат.

Вокзальная нежность. Вагона скрип.
И как человек беден! —
Ведь это же цвет другой зари, —
Последней.

Digitized by Google

6

Средь мотоциклетовых цикад
Слышу древних баобабов запах.
Впрочем, не такая ли тоска
Обкарнала страусов на шляпы?

Можно вылить бочки сулемы,
Зебу превратить в автомобили,
Но кому же нужно, чтобы мы
Так доисторически любили?

Чтобы губы — бешеный лоскут,
Створки раковин, живое мясо,
Захватив помадную тоску,
Задыхались напастями засух,

Чтобы сразу, от каких-то слов,
Этот чинный, в пиджаке и шляпе,
Мог бы, как неистовый циклоп,
Нашу круглую звезду облапить?

Чтобы пред одной, и то не той,
Ни в какие радости не веря,
Изойти бездожной теплотой
На смерть ошарашенного зверя.

Digitized by Google

Это, кажется, зовут «любовью» —
Руку на грудь, до утра,
Чтоб на розовом камне — простая
повесть
Утрат.

Вокзальная нежность. Вагона скрип.
И как человек беден! —
Ведь это же цвет другой зари, —
Последней.

Digitized by Google

6

Средь мотоциклетовых цикад
Слышу древних баобабов запах.
Впрочем, не такая ли тоска
Обкарнала страусов на шляпы?

Можно вылить бочки сулемы,
Зебу превратить в автомобили,
Но кому же нужно, чтобы мы
Так доисторически любили?

Чтобы губы — бешеный лоскут,
Створки раковин, живое мясо,
Захватив помадную тоску,
Задыхались напастями засух,

Чтобы сразу, от каких-то слов,
Этот чинный, в пиджаке и шляпе,
Мог бы, как неистовый циклоп,
Нашу круглую звезду облапить?

Чтобы пред одной, и то не той,
Ни в какие радости не веря,
Изойти бездонной теплотой
На смерть опарашенного зверя.

Digitized by Google

7

Со временем — единоборство,
И прежней нежности разбег,
Чрез многие лета и вереты
К почти-мифической тебе.

Я чую след в почтовом знаке,
Средь чащи дат, в наклоне букв:
Нюх увязавшейся собаки
Не утеряет смуглых рук.

Могильной тенью кипарисов,
На первой зелени, весной,
Я был к тебе навек приписан,
Как к некой волости земной.

Исход любви суров и важен, —
Чтоб после стольких смут и мук
Из четырех углов бродяжьих
Повертываться к одному.

Digitized by Google

8

Полярная звезда и проседь окон.
Какая же плясунья унесет
Два рысьих солнца мертвого Востока,
Среди густых серебряных тенет?

Ну, как же здесь любить, забыв о гневе?
Протяжен ямб, прохладой веет смерть.
Ведь, полюбив, унылый Псалмопевец
Кимвал не трогал и кричал, как зверь.

О расступись! — ведь расступилось
море —
Я перейду, я больше не могу.
Зачем тебе пророческая горечь
Моих сухих и одичалых губ?

Не буду ни просить, ни прекословить,
И все-ж боюсь, что задохнешься ты —
Ведь то, что ты зовешь моей любовью —
Лишь взрыв ветхозаветной духоты.

Digitized by Google

9

Не мы придумываем казни,
Но зацепилось колесо —
И в жилах кровь от гнева вязнет,
Готовая взорвать висок.

И чтоб душа звериным пахла —
От диких ливней — в темноту —
Той нежности густая нахлынь
Почти соленая во рту.

И за уступками — уступки.
И разве кто-нибудь поймет,
Что эти соты слишком хрупки
И в них не уместится мед?

Пока, как говорят «до гроба» —
Средь ночи форточку открыть,
И обрости подшерстком злобы,
Чтоб о пощаде не просить.

И все же, зная кнут и накинь
И всю беспомощность мою, —
Шершавым языком собаки
Расписку верности даю.

Digitized by Google

10

Прорвется — что-ж! — свирепо и крепок
вздох:
Ведь рот один, а много каравaев.
Земля, мое разбойное гнездо,
Твой выкормыш тебя не забывает!

Вот это жизнь, и значит день еще.
Ну, как же мне с такою прорвой
сладить? —
Охапок сколько рук, и губ, и щек,
Чтоб это сердце не погасло за день?

Как камни, оседают корабли.
Гранит Колхиды, как песчинки, валок.
Угрюмые налетчики земли
Справляют уж не первые привалы.

Digitized by Google

Не жнец — зачем в руке снопы зари?
Не скуп — что ветер меж щекой и небом?
И не прельстится яхонтами риз
Моя изнеженная зноем злоба.

А если на тебе тоски тавро —
То и меня одолевает одурь,
Случилось раз — перегоревший рот
Не рассчитал своей природы.

Digitized by Google

11

Я знаю: циркуль — дик и хмур —
Вписал уста Андромене,
Я знаю из каких цезур
Одно твое недоуменье.

На костяке и на лесах
Я выстоял такую мудрость,
Что в юношеских волосах
Белела каменная пудра.

Скрепляя яростью устой, —
Не рухнули-б от муки брови, —
Горжусь плебейской прямотой,
Моей обветренной любовью.

Digitized by Google

Ты скажешь губы зря даны,
И руки, скажешь, не затем ли,
Чтоб в доке брошенной страны
Оснащивать иную землю?

Но разве низкая лиственница
Не сделана в такой же кузне,
Где стопудовые слова
Спеша выпрастывает блузник?

Меня к себе ты не зови —
Не отдых на груди развернутой,
А для такой большой любви
Еще не выдумано сердце.

Digitized by Google

12

Вздуй, трубач, серебряные щеки
И не думай о чужой душе.
Поджидает зверя на приноске
Вседержитель из напье-маше.

Мопс ощерится — средь декораций
Он как прежде бедек и разут.
Будут суки медные стараться
Выдавить холодную слезу.

Страсть опасна разномастых, пегих —
Бога жалобно облает зверь.
Может целая семья элегий
Вырости из этаких потерь.

Всяк в любви по своему наивен —
Изумленный мопс чихнет в гробу,
Бог размокнет — только хлынет ливень,
И архангел выронит трубу.

Digitized by Google

18

Не думал я, что даже укеус лаком,
Когда горчит душа и медлит меч,
Что можно в тридцать лет учиться
плакать,
Ворочая огромной глыбой плеч.

Да, любят все! Но мать осенней ночью
Ушла. И мудрый посрамлен Судья:
Они отвешивают эти клочья,
И что им, если плакало дитя?

Я утаю утробное волненье,
Мохнатые горячие слова.
Когда замрет подводное кипенье,
Коралловые встанут острова.

22

Digitized by Google

Всеобщая юдоль! И дикий Лирник
Не слышал ли ночные голоса,
Когда влетела в гневную кумирню
Дантесова прохладная оса?

Мне дали пару глаз, и жар, и губы,
И я любил, как любят на земле —
Целуя тела розовые срубы,
Я никогда не думал о весле.

На теплом коврике — босые ноги
И что — стихов забытые красы? —
От этих ног и до пустой берлоги
Немного человеческой росы.

Digitized by Google

14

Не осуди — разумный виноградарь
Стрижет лозу, заготовляет жердь.
Кружиться — ветру, человеку — падать,
Пока не уведет запаханная смерть.

Ты, пролистав моих любовей повесть,
Подумай — яблока короткий стук —
Стяжатель истины приподнял брови
И опознал земную тяготу.

Ведь как бы мы любви не угождали —
В июльский день — одно жужжанье мух,
Горчее губы розовых миндалин,
А гиблое сердце — никому.

О чем же спор пока снует и бьется?
Одной кривой подняться не дано.
Ведра не вытянут из емкого колодца,
И не согреет сердца полотно.

Digitized by Google

Заезжий двор. — Ты сердце не щади,
И не суди его — оно большое.
И кто проставит на моей груди
«Свободен от постоя?»

И кто составит имя на снегу
Из букв раскиданных, из рук и прозвищ?
Но есть ладони — много губ
Им заменяли гвозди.

Столь невеселая веселость глаз,
Сутулость вся — тяжелая нагрузка —
Приметы выгорят до тла,
И уж, конечно, трубка.

Одна зазубрина, ущербный след,
И глубже всех изданий сотых —
На зацелованной земле
Вчерашние заботы.

Я даже умираю впопыхах
И пахнет нежностью примятый вереск —
Парная розоватая тропа
Подшибленного зверя.

Digitized by Google

Ему пришлось воспеть удельных ханов,
Ранжир любви и местничество вер,
Средь сплетен, евнухов — смущенный
мамонт
Закончил дни, и был он «камергер».

Он мел снега, но голос крови гулок,
И услыхав повозки скрип простой,
Он выплеснул ночное «Мариула»
И захлебнулся этой долготой.

Я чую теплый бакен, слышу выстрел,
Во мне растет такой же смутный гул,
И плещут в небе дикие монисты —
Щемящие глаза падучих Мариул.

Digitized by Google

18

«Аврора» дулась, дулась и река,
Был бог салопницы навек отобран,
Веселый зверь позевывал слегка
И ударял хвостом державы ребра.

Когда ж повис над Вислою-рекой,
Неотвратимый, как любовь и голод,
Запахло конским потом и тоской
Кремлевского ученого монгола.

Средь гуда «Ундервудов», гроз и поз,
Под верным коминтерновым кнутом —
Рябая харя выставляла нос,
И слышалась утробная икота.

Digitized by Google

Ему пришлось воспеть удельных хамов,
Ранжир любви и местничество вер,
Средь сплетен, евнухов — смущенный
момент
Закончил дни, и был он «камергер».

Он пел снега, но голос крови гулок,
И услыхав повозки скрип простой,
Он выплеснул ночное «Марнула»
И захлебнулся этой долготой.

Я чую теплый бакен, слышу выстрел,
Во мне растет такой же смутный гул,
И плещут в небе дикие монисты —
Щемящие глаза падучих Марнул.

Digitized by Google

18

«Аврора» дулась, дулась и река,
Был бог салюта навек отобран,
Веселый зверь позевывал слегка
И ударял хвостом державы ребра.

Когда ж повис над Вислою-рекой,
Неотвратимый, как любовь и голод,
Запахло конским потом и тоской
Кремлевского ученого монгола.

Средь гуда «Ундервудов», гроз и поз,
Под верным коминтерновым кнутом —
Рябая харя выставляла нос,
И слышалась утробная икота.

Digitized by Google

Ему не нужно византийских слав,
Он знает меди сплав и прах сиротства,
Он общипал парадного орла
Со всей находчивостью домоводства.

А после — окопались, улеглись.
Скуластая земля захолодела.
И можно ль за какой-нибудь маис
Отдать тоску такого передела?

Ты о корысти мне не говори! —
Пусть у кремлевских стен могильный ельник,
Но цол-часа кабацкий материк
Напоминал великую молельню.

Digitized by Google

19

Медвежья колыбель — в железе.
Цынготная, сынная смерть.
В года, где лебеда и тезис,
Ты возмужал, веселый зверь.

В столице выглоданной паршой,
Глодая жалкие пайки,
Училась северная Спарта
Сжимать, немотствуя, клыки.

Великим выкормышам горя
Ремесла многие даны:
И всю Европу переспорить,
И выкроить себе штаны.

Жевать — горою вздыбив щеки,
Любить, чтоб было нипочем
И, фыркая на солнцепеке,
Века проталкивать плечом.

Digitized by Google

Сторожка, тараван и дворник,
Над ним мохнатая звезда,
А под овчиной — Калифорний
Едва открытая руда.

И в чреве, скрюченном осьмушкой,
Одной из этих баб снует
Нетерпеливо новый Пушкин —
Семнадцатый прославить год.

Недаром на балах Парижа,
Где дремлют нежно веера,
Все чаще плечи модниц лижут
Урала жадные ветра.

Держись, отвергнутая ересь!
Не эта ль яркая стрела
В руно затравленного зверя
Державный пурпур подлила?

Digitized by Google

20

Что птице кроме щебета и лета?
Заглох овчарок лай, молчат бичи,
И ставят Мельпоменовы тенета.
Психея бедная, не щебечи!

Молчи, пока цветет безумный узел,
Когда сгорит веселая смола,
Ты поклонись невыносимой Музе,
За то, что Муза во время пришла.

Вы, соглядатаи, молчите горше!
Иль мало вам торжественной смолы?
В горах Колхиды — остроклювый
коршун,
И частые обвалы — тяжелы.

В семнадцатом сказали о победе,
И грозно грохотал короткий стих.
А если сердце все же не из меди —
На губы — перст, и факел опусти!

Digitized by Google

Высокие Циклоповы затеи.
И впопыхах несли за гробом гроб.
Большой народ, в такие дни редея,
Поцеловал его глазастый лоб.

Часы повернуты, и все забыто,
И не унять текучего песка.
Остались средь дворцовых малахитов
Солдатские окурки и тоска.

И сколько надобно живого леса
Для триумфальных арок средь отар?
Больной актер еще ведет пиесу —
Воистину великолепный дар!

Среди копеечного фейерверка,
Ты, Муза, призадумалась о чем? —
И медлишь взять его большое
сердце,
Чтоб трудный узел разрубить мечом.

Digitized by Google

21

Звериная и ветренная грусть.
Шесть чтоб создать, а сколько чтоб
додумать?
И я перебираю наизусть
Великие эпические шумы.

В набеге лет мне памятен разрыв —
Все тех же нот старательная запись—
Атлантики тысячегорлый рык,
И в рукомойнике журчанье капель.

Ты тихо в памяти перебирай
Вот эти свитки разноводых грамот.
Какой ни выдумаешь новый рай
В него придет тяжелостопый мамонт.

Digitized by Google

А если над тобой беда стряслась —
Ну, что ж, в последний раз еще
ощерься,
Пока щербатая, тупая страсть
Не освежует розового сердца.

О вымыслах иных я не прошу.
Из шумов всех один меня смущает —
Под левой грудью твой угрюмый шум,
Когда ты ничего не отвечаешь.

Digitized by Google

22

Были года и года.
Осмолила сердце беда.

Человек умен и не слаб —
Хорошо оснащен корабль.

Ярок флаг, борт высок,
Под жесткой рукой — колесо.

Паруе латан. Не говори!
Это зубов или мачты скрип?

Рейсы — за годом год.
Смейся! Переплывет.

Потом — шторм или течь —
Грузен узел сутулых плеч.

Одна из стольких измен —
Человек дал крен.

Вы, средь высоких вод,
Не поминайте его!

Digitized by Google

23

Остановка. Несколько примет.
Расписанье некоторых линий.
Так одно из этих легких лет
Будет слишком легким на помине.

Где же сказано — в какой графе,
На каком из верстовых зарубка,
Что такой-то снживал в кафе,
И дымил недодымившей трубкой?

Ты-ж не станешь клевера сушить,
Чиркать ногтем по полям романа.
Это — две минуты и в глуши
Никому ненужный полустанок.

Digitized by Google

Даже пару катастроф забудь:
Это — задыханья и бураны
И открытый стрелочником путь
Слишком поздно или слишком рано.

Вот мое звериное тепло,
Я почти что от него свободен.
Ты мне руку положи на лоб,
Чтоб услышать, как оно уходит.

Есть в тебе льняная чистота
И тому, кому не нужно хлеба, —
Три аршина грубого холста
На его последнюю потребу.

Digitized by Google

24

Я любил ветер верхних палуб,
Ремесло пушкаря,
Уличные скандалы
И двадцать пятое октября.

Я любил в кофейнях гуляющих,
Дым, спирт, зной.
Меня положат в продолговатый
ящик
Дышать прохладной сосной.

Покорно лягу в жесткой манишке,
Свидетель стольких измен,
Подобно Самуилу, Саулу, мертвым
и лишним,
Судить двенадцать колен.

Digitized by Google

За то, что лоцман, вспомнив пристань,
Рано повернул свое колесо,
И все сердца ушедших на
приступ
Остыли, как за ночь песок.

Тебя и вас, любимых и любивших,
За то, что вы, полюбив увет,
Осудили вот здесь, под этой
манишкой
Нежность и ревность мою.

Тогда преисполнены страха,
В глубь земли и в глубины лет
Вы меня опустите, как тяжелый
якорь,
Чтоб самим устоять на земле.

Digitized by Google

25

В ночи я трогаю недоумелый,
Дорожной лихорадкою томим,
Почти-доисторическое тело,
Которое еще зовут моим.

Оно живет своим особым бытом —
Смуглеет в жар и жадно ждет весны,
И — ком земли — оно цветет от
пыток,
От чудных губ жестокой бороны.

Рассеянно перебираю ворох
Раскиданных волос, имен, обид,
Поймите эти путевые сборы,
Когда уже ничто не веселит!

В каких же слабостях еще при-
знаться? —
Ребячий смех и благости росы.
Но уж за трапезою домочадцев
Томится гость и смотрит на часы.

Digitized by Google

Он золотого хлеба не надрежет,
И как бы ни сиротствовала грудь
Он выпустит в окно чужую нежность,
Чтоб даже нежность крикнула —
не будь!

В глухую ночь свои кидаю пальцы —
Какие руки вдоволь далеки,
Чтоб обрядить такого постояльца,
И, руку взяв, не удержать руки?

Ищу покоя, будто зверь на склоне.
Седин уже немало намело.
В студеном воздухе легко затонет
Отпущенное некогда тепло.

Июль-август 1922.

Binz a. Rügen.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C055623638

Digitized by Google

Digitized by Google